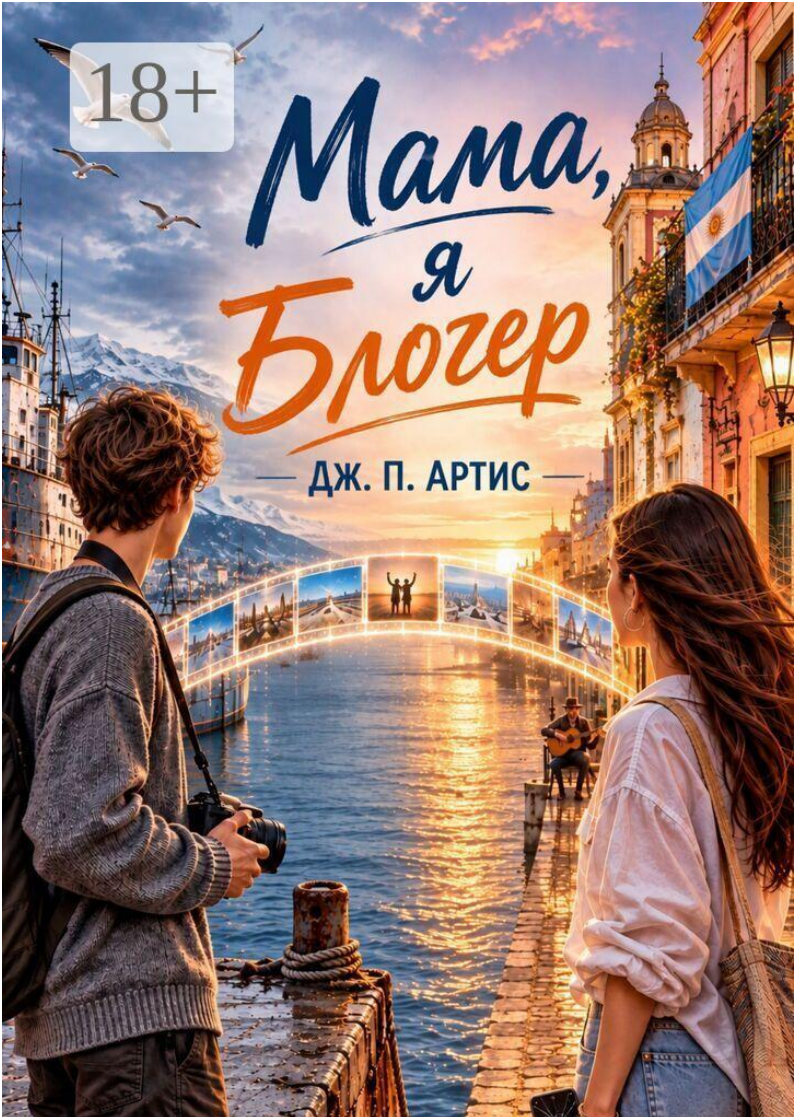
18+
Мама, я Блогер
ДЖ. П. АРТИС

Дж. Артис
Мама, я блогер

https://litres.ru/74927384
ISBN 9785007169905

Аннотация

Лиам из Исландии и София из Аргентины никогда не встречались. Но оба мечтают стать блогерами, а их семьи уже решили их судьбу. Один честный комментарий становится мостом через океан. Они начинают снимать видео о страхе, семье и смелости быть увиденными. Но хватит ли у них сил пересечь мост, который они построили?

Содержание

ГЛАВА 1: ВЕС ВОЗДУХА 6
ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия) 6
ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина) 12
ГЛАВА 2: ЗВУК РЕПЕТИЦИИ 18
ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия) 18
ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина) 25
ГЛАВА 3: ПУСТОТА НУЛЕВЫХ ПРОСМОТРОВ 30
ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия) 30
ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина) 35
ЧАСТЬ III — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия) 39
ГЛАВА 4: ПЕРВЫЙ СВИДЕТЕЛЬ 45
ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия) 45
ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина) 51
ГЛАВА 5: ФОРМА ГОЛОСА 56
ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия) 56
ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина) 60
ГЛАВА 6: ТРЕСНУВШИЙ ОБЪЕКТИВ 66

ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия) 66
ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина) 72
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Мама, я блогер

Дж. П. Артис

© Дж. П. Артис, 2026

ISBN 978-5-0071-6990-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1: ВЕС ВОЗДУХА

ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия)

Запах машинного масла и сырой шерсти въелся в кухню так давно, что Лиам уже не помнил времени, когда его не было. Это был не просто запах — это было физическое присутствие, тяжёлое, невидимое одеяло, пропитавшее поры стен, волокна пластикового стола и саму кожу его рук. Он сочился из тяжёлой брезентовой куртки отца, висевшей на железном крючке у узкой входной двери, и капал медленным, ритмичным *кап-кап-кап* конденсированной портовой влаги на потрескавшийся линолеум.

Снаружи июньские сумерки Рейкьявика отказывались умирать. Они висели над гаванью Гранди бесконечной приглушённой серостью, отбрасывая плоский металлический блеск на холодные, бурлящие воды залива Фахсафлоуи. Солнце здесь не садилось — оно отступало, скользя боком по горизонту, как пугливый зверь, боящийся темноты, оставляя после себя сине-фиолетовые сумерки, которые не предлагали ни дня, ни ночи.

Лиам сидел за кухонным столом, большим пальцем про-

водя по неровному, свежему краю аттестата о среднем образовании. Плотная бумага казалась сухой, почти шершавой на ощупь, как высушенная рыбья кожа. Он смотрел на тиснёные золотые буквы, но слова расплывались в бессмысленные формы.

Напротив, его отец, Свейн, отломил кусок тёмного, плотного ржаного хлеба и щедро намазал его солёным маслом. Руки Свейна были массивными, костяшки покрыты шрамами и навсегда почернели вокруг ногтей за тридцать лет обслуживания судовых дизельных двигателей в сухих доках. Сухожилия на его предплечьях двигались, как стальные тросы под кожей, пока он жевал. Единственными звуками в комнате были скрежет ножа для масла, гудение старого холодильника и distant, приглушённый стон грузового судна, трущегося о причал.

— Сегодня звонил Магнус из дока, — сказал Свейн. Его голос нёс низкий, хриплый тембр человека, который редко говорил, если это не было указанием, перекрывающим рёв тяжёлой техники. Он не поднял глаз от тарелки. — Берут двух учеников на осеннюю смену. Дизельное обслуживание. Хорошая зарплата. Профсоюзные льготы. Настоящая работа.

Лиам не поднял глаз от бумажного аттестата. Его большой палец сильнее надавил на острый край бумаги, пока кожа не побелела.

— Я ещё не решил, пап.

Свейн перестал жевать. Тишина, последовавшая за этим, была внезапной и абсолютной, тяжелее сырого воздуха снаружи. Он медленно поднял голову. Его глаза, цвета выцветшего морского стекла, впились в сына.

— Не решил? — Свейн усмехнулся. Это был короткий, сухой звук, полностью лишённый юмора, скребущий по тишине кухни. Он указал ножом для масла в сторону окна, где ржавый силуэт траулера скрипел у пирса под неустанным североатлантическим ветром. — Школа закончена, Лиам. Жизнь — не комната ожидания. Ты берёшь ремесло в руки, или холод съедает тебя. Всё просто. Твой дед тянул сети, пока плечи не отказали. Я кручу гаечные ключи, пока руки не стали вот такими. Такова кровь.

Лиам медленно кивнул, плотно сжав губы в тонкую, бескровную линию. Он чувствовал, как за рёбрами нарастает тугое, удушающее давление, физическая боль, которая расширялась с каждым вдохом солёного воздуха. Дело было не в том, что он ненавидел гавань; он вырос с морским ветром, хлещущим по щекам, и криком чаек, отражающимся от гофрированных железных крыш. Он знал точный запах отлива, конкретный оттенок серого, который небо приобретало перед штормом. Но мысль о том, чтобы каждое утро в 6:00 спускаться в эту сырую, залитую маслом яму, провести следующие сорок лет с руками, зарытыми в жирные внутренности корабельного двигателя, делала его конечности тяжёлыми, как свинец. Это было похоже на погребение заживо в

бетонной коробке.

— Пятнадцать минут, — пробормотал Свейн, возвращая взгляд к хлебу. — Потом иди в свою комнату. Мне нужно смыть смазку перед утренней сменой.

Лиам встал, ножки деревянного стула громко скрежетнули по линолеуму. Он сложил аттестат, сунул его в карман выцветшего серого свитера и вышел из кухни.

Пятнадцать минут спустя он был в своей спальне наверху. Это была маленькая комната с низким потолком, приютившаяся прямо под скатом крыши. Ветер rattled двойное стекло единственного окна — постоянный, вибрирующий гул, который он перестал замечать годы назад. Стены были скошенными, выкрашенными в облупившийся, казённый белый цвет.

Он запер дверь. Щелчок латунной защёлки был маленьким, резким звуком окончательности. Он сел на край узкого матраса, пружины застонали в знак протеста, и достал телефон. Большой палец автоматически скользнул по экрану — мышечная память, рождённая тысячей бессонных ночей.

Экран расцвёл ослепительным, ярким светом, прорезая мрак исландского вечера.

Видео запустилось автоматически. Переход был резким. Секунду назад он был в холодной, серой комнате, пахнущей дизелем; в следующую — его швырнуло в мир гипернасыщенных, невозможных красок. Создатель контента лет двадцати пяти, загорелый и смеющийся, стоял на краю зубчато-

го утёса на Бали. Вода внизу была невозможного, светящегося бирюзового цвета. Создатель держал элегантную камеру на лёгком карбоновом стабилизаторе, двигаясь с плавной, лёгкой грацией.

«Три года назад я застрял на тупиковой работе, смотрел на дождь за окном, — прогремел закадровый голос поверх энергичной кинематографической электронной музыки, которая, казалось, вибрировала прямо в зубах Лиама. — Потом я купил камеру. Я перестал спрашивать разрешения. Сегодня я управляю медиакомпанией с шестизначным доходом из любой точки мира. Тебе не нужен трастовый фонд. Тебе нужна только смелость нажать запись».

Лиам пересмотрел видео. Три раза. Четыре раза.

Он смотрел в глаза создателя. В них не было колебаний. Не было запаха застоявшегося дизельного масла, серого северного мрака, давящего веса поколенческих ожиданий. Освещение было чётким, цвета — яркими, кожа казалась золотистой и безупречной. Это был мир, где ветер не кусает, где холод не проникает в кости.

Лиам посмотрел на своё отражение в чёрном стекле выключенного экрана. Его лицо было бледным, почти прозрачным в тусклой комнате. Тёмные волосы были лохматыми и падали на глаза. На нём был тот же выцветший серый свитер, который он носил три дня подряд. Он выглядел ровно тем, кем и был: мальчиком, запертым в промёрзшей комнате на краю света.

Он открыл браузер. Синий свет экрана отразился в его тёмных глазах. Он очистил строку поиска, большой палец завис над стеклом. Он глубоко вздохнул, воздух слегка просвистел через нос, и набрал: *«Лучшая бюджетная камера для лайфстайл-влогинга 2026»*.

Тихое, электрическое покалывание прошло по горлу. Это было пугающее, пьянящее ощущение, как стоять на краю harbour wall и смотреть вниз, в ледяную чёрную воду. *Почему не я?* — подумал он, грудь сжалась от внезапной, иррациональной надежды. *Он тоже начинал с нуля. Всё, что нужно, — это смелость нажать запись.*

Он ещё не знал, но, просматривая характеристики, размеры диафрагмы и диапазоны ISO, он искал не просто камеру. Он искал парашют.

ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина)

В пяти тысячах миль отсюда воздух в квартире в Сан-Тельмо был густым, горячим и слегка пах жареными кофейными зёрнами, едкими выхлопами дизельных автобусов, простаивающих на Авенида Индепенденсия, и сырой, сладкой плесенью старой кирпичной кладки. Потолочный вентилятор ритмично гудел над головой, его деревянные лопасти были искривлены и разбалансированы, и он не делал ничего, кроме как гонял тёплый, тяжёлый воздух по гостиной бессмысленным круговым движением.

София стояла у высоких кованых балконных дверей, прижавшись лбом к тёплому стеклу, и смотрела вниз, на улицу. Хаос Буэнос-Айреса был в самом разгаре. Жёлто-чёрное такси с визгом завернуло за угол, шины заскрипели по асфальту; уличный торговец выкрикнул свой последний, мелодичный призыв *фактурас*, прежде чем солнце скрылось за разрушающимся, величественным фасадом зданий девятнадцатого века напротив. Свет здесь был не плоским серым северным светом; это был тяжёлый, золотой сироп, покрывающий всё тёплым, безжалостным сиянием.

Позади неё обеденный стол был хаотичным оркестром гремящих тарелок, громких голосов и резкого звона столовых приборов. Её семья — три поколения, собравшиеся под

одной крышей в пространстве, слишком маленьком для их огромных личностей, — праздновала её выпуск из средней школы. Воздух был густым от запаха жареной говядины и острого, уксусного аромата чимічуррі.

— За нашу будущую юристку! — прогремел её дядя Матео, хлопнув бокалом Мальбека по белой скатерти. Маленькая красная капля выплеснулась через край и расцвела, как крошечная рана, на ткани. — София, непрерывные усилия, дитя! Юридический факультет UBA в марте, потом должность в фирме твоего отца. Семейный путь! Мы не разрываем цепь!

София выдавила натянутую, вежливую улыбку. Мышцы щёк болели от усилия.

— Спасибо, дядя.

Её мать сжала её плечо, ногти, покрытые ярко-красным лаком, слегка впились в ключицу Софии.

— Она будет блистать, Матео. Она тихая, но дисциплинированная. Правда, *mi amor*?

— Да, мама, — пробормотала София, её голос едва был слышен сквозь рёв проезжающего мотоцикла снаружи.

Её желудок перевернулся, медленный, тошнотворный кувырок. Слова *дисциплинированная, тихая, юристка* ощущались как тяжёлое шерстяное одеяло, наброшенное на голову посреди летней жары. Она не хотела сидеть в продуваемых сквозняками, обшитых деревянными панелями залах суда, читая пятидесятилетние споры о собственности. Она не хо-

тела носить жёсткие костюмы и спорить о границах участков. Она хотела, чтобы её видели. Она хотела, чтобы её жизнь принадлежала *ей*, а не громким, любящим, подавляющим ожиданиям семьи, которая любила её так сильно, что душила.

Она извинилась под предлогом головной боли, выскользнула из столовой, прежде чем отец успел потребовать подробного медицинского диагноза. Она прошла по узкому коридору, половицы знакомо скрипели под её босыми ногами, и скользнула в свою спальню. Она закрыла дверь, повернув старый латунный ключ в замке с мягким, окончательным *щелчком*.

Тишина её комнаты была мгновенной, прерываемой только приглушённым, ритмичным басом песни, доносящейся из машины, проезжающей по авеню внизу, и отдалённым, скорбным плачем бандонеона из соседнего окна.

София включила настольную лампу. Мягкий жёлтый свет осветил её святилище — деревянные полы, отполированные десятилетиями шагов, облупившиеся постеры классического французского кино, блокноты, заполненные недописанными мыслями, набросками и наблюдениями, которые она никогда никому не показывала.

Она взяла телефон. Экран был покрыт паутиной трещин в правом верхнем углу — сувенир от падения на плитку метро. Она открыла приложение социальной сети.

Видео промелькнуло в её ленте, автоматически воспро-

изводясь с плавной, беззвучной грацией. Молодая женщина шла по залитым солнцем, мощёным улицам Парижа. Она держала пастельно-розовую кофейную чашку, на ней было небрежное, свободное льняное пальто, которое идеально развевалось на ветру. Работа камеры была невозможно плавной. Подпись гласила: *«Создаю эстетичную жизнь, которую я заслуживаю. Хватит позволять другим писать твой сценарий»*.

София смотрела на лёгкую улыбку девушки, на плавные панорамы камеры, на тысячи комментариев внизу, проплывающих в размытом обожании: *«Ты меня так вдохновляешь!»*, *«Цель!»*, *«Хотела бы я иметь твою уверенность»*.

София посмотрела на свои руки. Они слегка дрожали. На ней была старая, огромная футболка с пятном от отбеливателя на подоле. Волосы были собраны в небрежный, пушистый пучок. Она чувствовала себя совершенно невидимой, призраком, обитающим в собственной жизни.

Она подошла к книжной полке, её босые ноги бесшумно ступали по дереву. Она взяла три тяжёлых, пугающих учебника — *Введение в гражданское право*, *Конституционные прецеденты* и *Уголовный кодекс* — и сложила их на столе. Она поставила свой треснувший телефон вертикально на верхнюю книгу, регулируя угол, пока её грудь и лицо не оказались в центре экрана. На фоне была неубранная кровать и куча белья, но если прищуриться, это выглядело как деревенский, случайный момент.

Она нажала красную кнопку записи.

Маленький красный таймер начал тикать в углу экрана: *00:01… 00:02… 00:03…*

София открыла рот, чтобы говорить. Она хотела сказать что-то глубокое, что-то эстетичное и вдохновляющее, что-то, что звучало бы как у девушек в Европе, которые всё поняли. Она хотела говорить о свободе, о смелости покинуть гнездо.

Но ни звука не вырвалось.

Её горло сжалось, физическое сжатие, блокирующее воздух. Паника — внезапная, холодная и глубоко унизительная — прилила к щекам, обжигая кожу. Она смотрела в свои глаза в объективе фронтальной камеры. Они выглядели широко раскрытыми, испуганными и совершенно фальшивыми. Тишина в комнате растянулась, тяжёлая и насмешливая. *00:08… 00:09… 00:10…*

Она рванулась вперёд, рука дрожала, и врезала пальцем по экрану, останавливая запись.

Она села на край кровати, сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица. Тишина хлынула обратно, звеня в ушах.

Она уставилась на телефон. Унижение было острым, физической болью за глазами, но прямо под ним, глубоко в груди, тлела упрямая, горящая искра неповиновения. Она не просто провалилась; она была разоблачена. Но желание быть увиденной не исчезло. Оно только стало острее.

— Я справлюсь, — прошептала она в тёмную комнату,

её голос дрожал, но был твёрдым, пробуя слова на вес. — Мне просто нужно практиковаться. Я им покажу. Я всем им покажу.

ГЛАВА 2: ЗВУК РЕПЕТИЦИИ

ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия)

Междугородный автобус до торгового центра Смауралинд пах сырыми резиновыми ковриками, застоявшимся кофе из фильтра и острым металлическим запахом нагретой мокрой шерсти от зимних пальто пассажиров. Лиам сидел неподвижно на заднем ряду, его колени плотно упирались в твёрдую пластиковую спинку сиденья впереди. За поцарапанным плексигласовым окном знакомая, удушающая серость района Гранди медленно растворялась в стерильных, ярко освещённых коммерческих просторах Копавогура.

В правом кармане куртки его пальцы непрерывно ощупывали края сложенной стопки банкнот. Сто двадцать девять тысяч девятьсот исландских крон. По меркам раздутой экономики Рейкьявика это была небольшая сумма, но для Лиама она представляла почти три месяца изнурительного, выматывающего труда: сметание ледяных рыбьих потрохов с причала в 5:00 утра, перетаскивание тяжёлых деревянных ящиков для дяди на субботнем рынке и пропуск приёмов пищи ради экономии каждой монеты. Его отец, Свейн, твёрдо

верил, что эти деньги лежат нетронутыми на высокодоходном сберегательном счёте, специально отложенные на вступительный взнос в морской технический колледж. Обман лежал в желудке Лиама, как проглоченный камень, тяжёлый и холодный.

Когда автобус с шипением остановился, Лиам вышел на колючий ветер и вошёл в магазин электроники. Переход был резким. Магазин был святилищем санитарной, искусственной теплоты. Он пах тёплым пластиком, свежевычищенными синтетическими коврами и слабым, озоновым гудением сотни светящихся экранов. Это был резкий, почти оскорбительный контраст с покрытым солью бетоном и дизельными выхлопами гавани.

Лиам подошёл к стеклянной витрине, его руки были так глубоко засунуты в карманы куртки, что костяшки заныли. За толстым, заляпанным стеклом находился предмет его одержимости: компактная чёрная беззеркальная камера с небольшим универсальным широкоугольным объективом. Она выглядела элегантной, профессиональной и совершенно чужеродной в этой среде флуоресцентного света.

Продавец подошёл. Это был парень едва старше Лиама, возможно, двадцати двух лет, в чёткой чёрной рубашке поло с вышитым логотипом магазина на груди. Он держался с видом непринуждённой, отработанной компетентности, опираясь бедром о стеклянную стойку в расслабленной позе.

— Ищете что-то конкретное или просто смотрите? —

спросил продавец, его тон был дружелюбным, но явно отстранённым.

Лиам с трудом сглотнул, горло внезапно пересохло. Он вытащил руку из кармана и указал дрожащим пальцем на камеру за стеклом.

— Вон ту. Беззеркальный комплект с откидным экраном.

Продавец кивнул, отпирая шкаф маленьким магнитным ключом и доставая камеру. Он обращался с ней с будничной фамильярностью человека, который держит их дюжину каждый день.

— Хороший выбор. Это самая популярная стартовая камера для видеоконтента прямо сейчас. Отличный двухпиксельный автофокус, полностью поворотный сенсорный экран и полноценный разъём 3,5 мм для внешних микрофонов. Если вы занимаетесь влог-стилем, путешествиями или лайфстайл-контентом, это basically отраслевой стандарт для начинающих.

Лиам протянул руку, его пальцы коснулись холодной, текстурированной резиновой рукоятки корпуса камеры. Она казалась на удивление плотной, цельным блоком инженерии, который, казалось, приковывал его к полу.

— Она… она хорошо работает при слабом освещении? — спросил он, его голос прозвучал чуть ниже и неувереннее, чем он намеревался. — Я имею в виду, конкретно в исландском зимнем свете. Серые дни. Пасмурное небо. Без прямого солнца.

Продавец пожал плечами, лёгким, пренебрежительным движением.

— Прилично. Матрица довольно хорошо справляется с высоким ISO, не внося слишком много шума, но вам всё равно нужно следить за выдержкой. Честно говоря, если вы снимаете в помещении или в тёмные дни, вам в конечном итоге захочется инвестировать в дешёвую LED-панель или кольцевую лампу, чтобы заполнить тени. Но для начала? Более чем достаточно. — Он сделал паузу, глядя на поношенные кроссовки Лиама и тревожно сжатые челюсти. — Берёте сегодня?

— Да, — сказал Лиам. Слово прозвучало окончательно, как захлопнувшаяся дверь.

Десять минут спустя транзакция была завершена. Лиам вышел из магазина и вернулся на парковку, неся свежую тёмно-синюю картонную коробку, надёжно упакованную в тяжёлый, армированный бумажный пакет. Вес в его руках казался меняющим баланс, пугающим, как ношение неразорвавшегося снаряда, который мог взорваться в любой момент. Он сел на автобус обратно в сторону Гранди, крепко держа бумажный пакет на коленях, его глаза нервно метались к каждому входящему пассажиру, в ужасе, что кто-то может толкнуть его, раздавить коробку или спросить, что внутри.

Вернувшись в свою спальню, он запер дверь и задвинул засов. Знакомый, сырой холод комнаты обнял его. Он убрал со стола с тщательной, почти благоговейной заботой, ото-

двинув старые, потрёпанные школьные учебники, наполовину пустую кружку холодного, застоявшегося чая и стопку неоплаченных счетов за коммунальные услуги.

Он медленно распаковал камеру, снимая слои защитной папиросной бумаги. Запах новой электроники — резкий, чистый и химический — заполнил ноздри. Он вставил аккумулятор в отсек с резким, точным, глубоко удовлетворительным механическим щелчком. Он вставил карту памяти. Он повернул откидной экран так, чтобы он смотрел вперёд, на стул.

Когда он повернул выключатель питания, экран вспыхнул, отображая чёткую, высококонтрастную живую картинку его комнаты — и его самого.

Лиам замер.

Через безжалостный объектив камеры комната выглядела совершенно иначе. Она казалась жёстче, меньше и бесконечно более жалкой. Маленькая, облупившаяся трещина в обоях возле книжной полки была увеличена в жестоких деталях. Выцветший серый свитер, который он носил три дня подряд, казался блёклым, грязным и убогим в тусклом, жёлтом свете единственной потолочной лампы.

Но хуже, бесконечно хуже, было его собственное лицо на трёхдюймовой ЖК-панели. Его поза была сгорбленной, плечи защитно подняты к ушам. Его глаза нервно метались, не в силах удержать твёрдый взгляд, перескакивая между чёрным стеклом объектива и его собственным искажённым от-

ражением на экране. Он выглядел ровно тем, кем и был: испуганным мальчиком, играющим в переодевание.

Он установил камеру на маленький гибкий штатив, который купил вместе с ней, и поставил его на стол. Он сделал глубокий, судорожный вдох, пытаясь расширить сдавленную грудь, и нажал красную кнопку записи.

— Привет, ребята, — сказал Лиам в объектив.

Его голос звучал тонко, гнусаво и совершенно лишённый гулкого, уверенного резонанса создателей, которых он смотрел онлайн. Это был голос незнакомца, слабый и неубедительный. Он агрессивно прочистил горло, пытаясь сбросить связки, и попробовал снова, заставляя себя широкую, восторженную улыбку, которая ощущалась как тесная, болезненная маска, растягивающая челюсть.

— Привет всем. Добро пожаловать обратно в… ну, добро пожаловать в моё самое первое видео. Сегодня я покажу вам, как на самом деле выглядит жизнь здесь, в Рейкьявике.

Он замолчал.

Тишина комнаты хлынула обратно, тяжёлая, удушающая и абсолютная. Снаружи внезапный порыв североатлантического ветра с грохотом ударил в оконное стекло.

Лиам наклонился вперёд и нажал кнопку остановки. Его руки были ледяными. Он воспроизвёл двенадцатисекундный клип.

Смотреть на себя было формой физической агонии. Его улыбка выглядела гротескной и фальшивой. Его осанка бы-

ла жёсткой, как железо. Встроенный микрофон камеры уловил раздражающее, высокочастотное электрическое гудение старого обогревателя в углу с невыносимой, пронзительной чёткостью, полностью заглушая его голос.

Он не колебался. Он выбрал файл и удалил его немедленно.

Он откинулся на спинку стула, уставившись на чёрное, немигающее стекло объектива камеры. Техническая аппаратура наконец была в его руках, но пропасть между отполированной, залитой солнцем реальностью на экране его телефона и неуклюжим, испуганным подростком, сидящим в промёрзшей, серой комнате в Исландии, казалась шире и непреодолимее, чем океан за его окном.

ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Послеполуденное солнце било в открытые кирпичные стены Сан-Тельмо с безжалостной, гнетущей интенсивностью, превращая маленькую спальню Софии в душную, непроветриваемую печь. Температура колебалась около тридцати четырёх градусов по Цельсию. Маленький oscillating настольный вентилятор скорбно свистел на максимальной скорости, дуя горячим, переработанным воздухом прямо ей в лицо, не делая абсолютно ничего, чтобы противостоять тяжёлой, влажной массе города.

София провела последние два часа, тщательно готовя свою установку. Она придвинула тяжёлый деревянный стол ближе к открытому балконному окну, чтобы поймать естественный, направленный свет, точно так, как рекомендовало популярное обучающее видео. Она расставила деревенскую керамическую вазу с сушёной лавандой и ветками эвкалипта и положила два эстетичных блокнота в кожаных переплётах на угол стола, чтобы создать ощущение продуманной, интеллектуальной глубины.

На ней была свободная кремовая льняная рубашка, которую она тайком взяла из шкафа старшей сестры. Она была на два размера больше, но когда София аккуратно заколола лишнюю ткань на талии, в кадре предварительного просмот-

ра на её телефоне она выглядела непринуждённо стильной и лёгкой.

Её телефон был надёжно прислонён к стопке толстых книг по истории искусства в твёрдом переплёте. На экране её установка выглядела на удивление обманчиво хорошо. Тёплый, золотистый аргентинский солнечный свет падал на стол под идеальным углом, придавая сцене мягкую, светящуюся, кинематографическую эстетику, которая полностью скрывала облупившуюся краску на стенах и кучу белья на её кровати.

— Хорошо, — пробормотала София себе под нос, в двадцатый раз убирая выбившуюся прядь за ухо. Её сердце билось быстрым, отрывистым ритмом о рёбра. — Просто говори естественно. Смотри в объектив, не в экран. Как будто разговариваешь с другом. Уверенным другом.

Она сделала глубокий вдох, расправила плечи и нажала красную кнопку записи.

— Привет всем, — начала она, предлагая камере тёплую, отработанную и идеально выверенную улыбку. — Добро пожаловать в моё пространство. Сегодня я хотела поговорить о чём-то глубоко личном: о поиске своего истинного голоса и обретении смелости следовать ему, когда все вокруг ожидают, что ты пойдёшь по пути, который не твой.

Она сделала паузу, медленно и намеренно вдыхая. Всё шло хорошо. Слова казались поэтичными, обоснованными и подлинными. Свет ловил золотистые блики в её волосах. Она протянула руку свободной рукой, чтобы мягко попра-

вить единственный сушёный цветок в вазе, желая сделать кадр чуть более динамичным и живым.

Внезапно тяжёлая деревянная дверь её спальни яростно задребезжала от ударов кулаком. Три громких, агрессивных стука сотрясли дверную раму.

— София! Ты там? — крикнул её брат Матео из коридора, его громкий, гулкий голос прорезал её безупречную, тщательно выстроенную сцену, как бензопила. — Мама говорит, спускайся сейчас же и помоги нести продукты из машины! И почему дверь в ванную заперта? Мне нужно помыть руки!

София подскочила, прилив чистейшего адреналина ударил в нервную систему. Её локоть задел угол тяжёлой стопки учебников по истории искусства.

Телефон опасно покачнулся, соскользнул в сторону и с грохотом упал на деревянный пол с резким, тошнотворным пластиковым стуком. Керамическая ваза опрокинулась, рассыпав сушёные бутоны лаванды и хрупкие листья эвкалипта по её рукописным заметкам.

— София? — снова позвал Матео, его голос теперь был ближе, он агрессивно повернул латунную дверную ручку, дребезжа запертым механизмом. — Почему дверь заперта? Что ты там делаешь? Открой!

— Ничего! — крикнула София, её голос слегка сорвался, взлетев от паники, когда она опустилась на колени, чтобы поднять телефон. Она врезала большим пальцем по экрану, чтобы остановить запись, пульс бешено колотился в горле,

как пойманная, обезумевшая птица. — Я спускаюсь! Просто дай мне минуту!

Она проверила экран телефона. Свежая, зубчатая тонкая трещина прошла по диагонали через правый верхний угол стекла. Он не был полностью испорчен, но эта тонкая белая линия на дисплее ощущалась как физическая пощёчина.

Она сидела на полу среди рассыпанных, ароматных бутонов лаванды, крепко прижимая треснувший телефон к груди. Сквозь тонкое дерево двери она слышала хаотичные, подавляющие звуки своей семьи внизу: телевизор, вещающий дневные новости, её мать, выкрикивающую резкие приказы на кухне, громкий грохот металлических кастрюль и сковородок.

Дрожащими пальцами София открыла галерею и посмотрела на клип, который ей удалось записать до катастрофического вмешательства. Первые десять секунд были прекрасны. Освещение было идеальным, её поза была расслабленной, а голос звучал спокойно, членораздельно и мудро. Но в самом конце её лицо исказилось от чистого ужаса при звуке стука, за которым последовал хаотичный, головокружительный размытый кадр потолочного вентилятора и половиц, когда телефон упал.

Её большой палец завис над значком корзины. *Удалить. Спрятать. Убрать, пока никто не увидел этот позорный беспорядок.*

Она посмотрела на своё отражение в тёмном, треснувшем

стекле телефона — девятнадцатилетняя девушка, сидящая на полу душной комнаты, пытающаяся продать эстетичную, независимую жизнь, которой у неё на самом деле не было.

Её рука сильно дрожала, но она не нажала удалить.

Вместо этого она провела пальцем по временной шкале редактирования, тщательно обрезав позорный, хаотичный крах в конце. Она сохранила только спокойные, собранные, идеальные десять секунд в начале.

Она уставилась на эти десять секунд в цикле. На экране она выглядела уверенной, безмятежной и полностью контролирующей свою судьбу — девушка, которая всё поняла, девушка, которая не боится.

— Десять секунд, — прошептала она пустой комнате, смахивая упавший стебель лаванды с колена, её голос был полон невыплаканных слёз. — Мне просто нужно продержаться на десять секунд дольше в следующий раз.

ГЛАВА 3: ПУСТОТА НУЛЕВЫХ ПРОСМОТРОВ

ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия)

Синий свет монитора впивался в уставшие глаза Лиама, оставляя фантомные отпечатки каждый раз, когда он моргал. Было 3:15 утра. За его узким окном бесконечные июньские сумерки Рейкьявика стали лишь чуть темнее, отбрасывая жуткий, бледно-индиговый оттенок на скошенный потолок его мансардной спальни. Единственными звуками в доме были низкая, ритмичная дрожь старого холодильника внизу и слабый, свистящий сквозняк, пробивающийся через оконную раму.

На экране была панель управления его новоиспечённого канала на YouTube. Видео закончило обработку двадцать минут назад. *Название:* Моя честная реальность | 24 часа в Рейкьявике (Первый влог). *Миниатюра:* кадр, над редактированием которого он провёл три мучительных часа — он сам стоит у серой бетонной стены моря в Гранди, пытаясь выглядеть задумчивым и загадочным, с жирным жёлтым текстом «НОВЫЕ НАЧАЛА», неуклюже растянутым по пас-

мурному небу.

Лиам сделал долгий, дрожащий вдох, его курсор завис над синей кнопкой *Опубликовать*. Ладонь была липкой, слегка скользила по пластику мыши. Сердце билось тревожным, неправильным ритмом о рёбра. В его воображении он представлял мгновенную рябь: видео выходит в эфир, алгоритм подхватывает его, приходят несколько десятков просмотров, может быть, комментарий от кого-то в Австралии или Калифорнии: *«Классная атмосфера, чувак, обожаю Исландию!»* Он представлял, как звонит колокольчик уведомлений, ровный, подтверждающий звон, который докажет его отцу, что он существует, что у него есть голос.

Он закрыл глаза, прошептал безмолвную мольбу цифровому эфиру и кликнул.

Статус: Публичное.

Первые пятнадцать минут Лиам сидел замороженный на деревянном стуле, его тело было жёстким. Он обновлял страницу каждые тридцать секунд. *Просмотры: 1.* (Это был он, проверяющий ссылку из режима инкогнито). Он обновил снова. *Просмотры: 1.* Он обновил снова. *Просмотры: 1.*

К 4:00 утра счётчик не сдвинулся. Глобальный интернет, огромная, невидимая сеть, соединяющая миллиарды душ, ощущался как тёмный, бездонный океан. Он бросил своё видео в середину Тихого океана, и оно даже не вызвало всплеска. Тишина панели аналитики была громче, чем ветер, завывающий над заливом Фахсафлоуи. Побеждённый, с горящи-

ми от усталости глазами, он наконец заполз в постель и провалился в беспокойный, без сновидений сон под тусклое гудение электрического обогревателя.

Когда он проснулся, бледный серый свет полудня просачивался через световой люк. Кухня внизу была наполнена тяжёлым, насыщенным запахом жареного бараньего жира и крепкого, горького кофе. Свейн сидел за пластиковым столом в своём тёмно-синем брезентовом комбинезоне, запах дизеля и машинного масла прилип к нему, как вторая кожа. Он читал местную газету, его толстый палец водил по строкам текста.

— Ты поздно встал, — сказал Свейн, не поднимая глаз от газеты. Его голос был низким рокотом, вибрирующим через маленькую комнату. — Магнус звонил мне сегодня утром. Спрашивал, почему тебя не было в конторе сухого дока в восемь, чтобы заполнить бумаги на ученичество. Я сказал ему, что ты спал. Я сказал ему, что ты будешь там в понедельник.

Лиам остановился в дверном проёме. Он взял кружку с сушилки и налил себе чёрного кофе, повернувшись спиной к отцу.

— Я… у меня есть некоторые проекты, над которыми я работаю, пап. Мне нужно разобраться с расписанием.

Свейн медленно опустил газету. Он повернул голову, его серые глаза — бледные и выветренные, как морское стекло — слегка сузились, изучая сгорбленную позу сына.

— Проекты? Какие проекты?

— Просто… медийные штуки, — сказал Лиам, старательно сохраняя нейтральный голос, пристально глядя на тёмную поверхность кофе. — Цифровая работа. Я настраиваю канал. Нужно время, чтобы настроить программное обеспечение и отрендерить файлы.

Свейн издал тяжёлый, усталый вздох, который, казалось, опустил его широкие плечи на дюйм. Он положил свои толстые руки плашмя на стол.

— Лиам. Посмотри на меня.

Лиам обернулся.

— Ты думаешь, интернет платит за отопительное топливо? — спросил Свейн, его тон был лишён гнева, что почему-то делало его хуже. Это был тон человека, констатирующего неоспоримый закон физики. — Ты думаешь, «цифровой проект» не даст инею покрыть трубы, когда ударят январские шторма? Магнус предложил тебе ремесло. Профсоюзную работу. Люди, которые работают руками, строят этот город. Они чинят корабли, они очищают лёд, они поддерживают кровь текущей. Люди, которые гонятся за тенями на экране… они заканчивают тем, что замерзают на причале.

— Это не просто погоня за тенями, — сказал Лиам, его голос напрягся, защитное тепло поднялось в груди. — Это монтаж. Это сторителлинг. Это настоящий навык, пап. Ты просто не видишь этого, потому что он не покрыт смазкой.

Челюсть Свейна сжалась. Тишина растянулась между ними, густая и удушающая, заполненная только тиканьем на-

стенных часов.

— Мне плевать на смазку, Лиам. Мне важно выживание. Гавань не ждёт вечно. Подумай о том, что реально. Когда этот маленький экран перестанет светиться, тебе всё ещё нужно будет чем-то кормить себя.

Свейн поднял газету и закрылся ею, фактически отпуская сына.

Лиам поднялся наверх без единого слова. Его руки слегка дрожали, когда он вошёл в комнату и запер дверь. Он достал телефон и открыл приложение YouTube Studio.

Просмотры: 4. Лайки: 0. Комментарии: 0.

Он смотрел на экран, пока цифры не расплылись. Ноль ощущался тяжёлым, как физический груз, давящий на горло, душащий его. Это было не просто число; это был вердикт.

ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Тяжёлая деревянно-стеклянная дверь кафе в Палермо Сохо с щелчком закрылась, отрезав ревущую, забитую выхлопами симфонию улицы и заменив её выверенным, мягким звуком инди-фолка и шипением эспрессо-машины. Порыв агрессивного, стерильного кондиционированного воздуха ударил в лицо Софии, шокирующий контраст с душной, тридцатичетырёхградусной влажностью буэнос-айресского дня.

Она подошла к маленькому круглому мраморному столику в углу и села, аккуратно поставив холщовую сумку на пустой стул рядом. Она заказала холодный матча-латте — напиток, который она не особенно любила, но который стоил абсурдное количество песо и идеально ярко-зелёно смотрелся в стеклянной керамической чашке. Это был реквизит. Пошлина, которую нужно было заплатить, чтобы сидеть в этой комнате.

Рядом с ноутбуком лежал её треснувший телефон, подключённый к громоздкому павербанку. Она провела шесть часов, монтируя 45-секундное короткое видео. Это был рилс под названием *«Минималистичные утренние привычки в Буэнос-Айресе»*. В нём было пять тщательно рассчитанных по времени, цветокорректированных клипов: капли кофе при

заваривании, её рука переворачивает страницу сборника поэзии, утренний свет падает на пол её спальни, и её закадровый голос читает цитату о самопознании на свободном, тщательно отработанном английском.

Она сделала глубокий вдох, нажала *Опубликовать* и сразу же притянула руки к телу, обхватив пальцами холодное, покрытое конденсатом стекло своего матча. Сердце билось высоким, нервным трепетом. Она оглядела кафе — на модных студентов-художников, яростно печатающих на своих MacBook, на фрилансеров, обсуждающих дизайнерские кампании за эспрессо, на девушек в льняных платьях, тихо смеющихся. Она почувствовала мимолётный, пьянящий прилив принадлежности. *Я теперь одна из них*, — сказала она себе, лёгкая улыбка коснулась губ. *Я создатель. У меня есть голос.*

Она проверила свой профиль десять минут спустя. *Просмотры: 12.* (Один из них был её собственным обновлением). *Лайки: 1.* (Она сама).

Прошёл час. Лёд в матче растаял, разбавив зелёную жижу. Солнце сдвинулось снаружи, освещая пыльные, парящие пылинки внутри кафе. *Просмотры: 48.*

Затем появилось первое уведомление. Маленькая красная точка на экране. Комментарий.

Сердце Софии подскочило к горлу. Она коснулась значка дрожащим пальцем, ожидая комплимент, вопрос о локации, связь.

Комментарий был от аккаунта с именем @user98421049: *«почему ты говоришь на английском лол твой акцент звучит так фальшиво фальшивая девочка»*

София почувствовала, как кровь отлила от лица так быстро, что у неё закружилась голова. Как будто её ударили по щеке посреди переполненного кафе. Интенсивный, жгучий жар прилил к ушам и щекам. Она уставилась на слова на экране — девять слов, которые разобрали на части крошечную, хрупкую скорлупу уверенности, которую она строила последние сорок восемь часов.

Фальшивая девочка.

Слова эхом отозвались в её сознании, идеально совпадая с её самой глубокой, самой ужасающей неуверенностью. Она не была глобальным создателем. Она была девятнадцатилетней девушкой из Сан-Тельмо, носящей одолженную рубашку сестры, говорящей на языке, на котором она мечтала, но которым не владела по-настоящему, притворяющейся, что живёт минималистичной эстетичной жизнью, пока её семья спорила о деньгах в соседней комнате. Комментатор не просто оскорбил её; они увидели сквозь иллюзию.

Её инстинктом было чистое, паническое самосохранение. Она нажала на три точки рядом с комментарием и нажала *Удалить*.

Затем её большой палец завис над самим видео. *Удалить. Спрятать. Убрать, пока никто больше не увидел эту позорную подделку.* Пульс бешено колотился, пойманная пти-

ца билась о рёбра. Инди-фолк внезапно показался насмешливым; смех за соседним столиком казался направленным на неё.

Она посмотрела на своё отражение в тёмном, тонированном стекле окна кафе. Она увидела девушку, сидящую в одиночестве с треснувшим телефоном, пьющую дорогой, разбавленный матча, пытающуюся продать эстетичную жизнь, которая не была её.

Её рука яростно дрожала. Значок корзины был прямо там. Одно нажатие, и унижение закончится. Она могла вернуться к тому, чтобы быть невидимой. Она могла вернуться к тому, чтобы быть тихой, дисциплинированной студенткой права.

Но она не нажала удалить.

Вместо этого она заблокировала экран телефона, сунула его глубоко в холщовую сумку и встала. Она оставила недопитый матча на столе, вышла из кондиционированного святилища и толкнула тяжёлую стеклянную дверь.

Жара Буэнос-Айреса ударила в неё, как физический удар, стена густого, влажного воздуха, пахнущего дизельным выхлопом и жареным уличным мясом. Она прищурилась от слепящего, золотого послеполуденного солнца, вцепившись в ремни сумки так, что костяшки побелели, и вошла в хаотичную, безжалостную реальность города.

ЧАСТЬ III — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия)

Число четыре сидело на экране Лиама, как четыре маленьких камня, положенных на грудь.

Просмотры: 4. Лайки: 0. Комментарии: 0.

Он лежал на кровати, держа телефон над лицом, синий свет заливал скошенный потолок болезненным сиянием. Мансардная комната казалась меньше, чем утром. Стены, казалось, наклонялись внутрь, как будто сам дом слушал тишину его поражения. Снаружи ветер давил на окно с низким, ровным напором — не порыв, а присутствие, холодная рука, проверяющая стекло. Запах жареного бараньего жира снизу просочился под его дверь и смешался с сырой шерстью его свитера, старой пылью в радиаторе, слабым химическим призраком новой камеры.

Четыре просмотра. Один был им. Остальные три могли быть ботами, или случайными кликами, или людьми, которые открыли видео и закрыли его до того, как первая секунда полностью загрузилась. Никто не остался. Никто не увидел его.

Он заблокировал телефон и прижал его экраном вниз к груди. Тепло экрана просочилось сквозь ткань, маленький, глупый пульс. Он подумал о руках отца на пластиковом столе, толстые пальцы распластаны, почерневшие ногти. *Люди,*

которые гонятся за тенями на экране, заканчивают тем, что замерзают на причале. Слова не были криком. Это было хуже всего. Свейн не бушевал. Он просто констатировал погоду.

Лиам сел. Комната слегка наклонилась, как это бывает, когда слишком долго смотришь в экран. Он не мог оставаться здесь. Стены были слишком близко, тишина слишком полна цифрами. Он натянул куртку, сунул камеру в рюкзак и спустился вниз.

Кухня была пуста. Кружка отца стояла в раковине, тёмное кольцо кофе засыхало на дне. Газета лежала сложенной на столе, кроссворд наполовину заполнен тупым, блочным почерком Свейна. Лиам отвёл взгляд. Он сунул ноги в ботинки, кожа была жёсткой от старой соли, и открыл входную дверь.

Июньский день ударил в него влажным, минеральным дыханием. Гранди не был красивым в том смысле, который обещали туристические фотографии. Это был рабочий порт, место ржавчины и канатов и смазки, гофрированного железа и бетона, окрашенного десятилетиями рыбьей крови и дизеля. Небо было низким, оловянным потолком. Море за волнорезом было цвета старых монет. Чайки пронзительно кричали над головой, их крики были резкими и рваными, и где-то позади него кран застонал, поднимая ящик над пирсом.

Лиам шёл, не думая. Его ботинки находили знакомые трещины в асфальте. Он прошёл мимо конторы сухого дока, приземистого здания с запотевшим окном и вывеской, вы-

цветшей от синего до серого. Сквозь стекло он видел Магнуса за столом, прижимающего телефон к уху, его свободная рука жестикулировала в воздухе. Лиам отвернулся и продолжил идти.

Он не остановился, пока не достиг старой портовой стены на краю пирса. Это был длинный гребень чёрного базальта и бетона, скользкий от водорослей и памяти о приливе. Он сел на холодный камень, свесив ноги над водой. Под ним поверхность бурлила и билась о стену, тёмная и терпеливая.

Он достал камеру.

Экран расцвёл. Его собственное лицо появилось в углу кадра, бледное и маленькое на фоне серой воды. Он поставил камеру на стену рядом с собой, направил её на гавань и нажал запись.

Долгое мгновение он ничего не говорил. Ветер заполнил микрофон низким, рокочущим шипением. Чайка села на соседний кнехт и уставилась на него одним жёлтым глазом. Лиам смотрел на птицу и чувствовал, абсурдно, что она его осуждает.

— Привет, — сказал он наконец. Его голос был тонким. Ветер рвал его. — Я не очень понимаю, что делаю.

Он остановился. Большой палец завис над кнопкой остановки. Старый инстинкт поднялся в нём — удалить, спрятать, притвориться, что этого никогда не было. Но он не нажал её. Он посмотрел на воду, на ржавый траулер, скрипящий у причала, на серое небо, давящее на всё.

— Мой отец думает, что я трачу время впустую, — сказал он. — Вероятно, он прав. Я имею в виду, четыре просмотра. Это не карьера. Это даже не разговор. — Он засмеялся, коротким, сухим звуком, который ветер проглотил. — Но я не знаю. Я продолжаю думать, что должно быть что-то ещё. Не потому, что я ненавижу это место. Я не ненавижу. Я люблю гавань. Я люблю её запах, даже когда он отвратителен. Я люблю то, как выглядит свет зимой, когда это вообще не свет. Но я не хочу проснуться в сорок и понять, что так и не попробовал ничего, кроме того, что уже было решено за меня.

Он потёр большой палец о холодную резиновую рукоятку камеры. Его пальцы покраснели от холода. Ветер загнал слёзы в уголки глаз, или, может быть, это были вовсе не слёзы.

— Так что это моё первое видео, — сказал он. — Не то, которое я смонтировал. То было отстоем. Это настоящее. Я не знаю, будет ли кто-нибудь смотреть. Я не знаю, буду ли я продолжать. Но я здесь. Это уже что-то.

Он остановил запись.

Тишина после была огромной. Ветер, чайки, вода — все они хлынули обратно, громче, чем прежде. Лиам сидел на стене, пока ноги не онемели. Затем он встал, убрал камеру в сумку и пошёл домой.

У конторы сухого дока он остановился. Магнус увидел его через окно и поднял руку. Лиам поднял свою в ответ. Жест показался ему маленьким предательством самого себя, или,

может быть, маленькой капитуляцией перед отцом. Он не вошёл внутрь. Он не взял бумаги. Пока нет.

Той ночью он загрузил второе видео. Без монтажа. Без миниатюры. Без названия, кроме одной строки: *«Я не знаю, что делаю»*.

Затем он стал ждать.

Первый час принёс девять просмотров. К полуночи их было тридцать семь. Два лайка. И один комментарий.

Комментарий был от аккаунта с именем **@sofia.in.between**.

В нём говорилось: *«это заставило меня почувствовать себя менее одинокой. я тоже пытаюсь.»*

Лиам прочитал его шесть раз. Затем кликнул на профиль. Там было только одно видео — сорокапятисекундный рилс под названием *«Минималистичные утренние привычки в Буэнос-Айресе»*. Он посмотрел его дважды. Девушка на видео была темноволосой, с треснувшим телефоном, прислонённым к стопке книг. Свет был золотым и тёплым. Она двигалась осторожно, как будто каждое движение было отрепетировано. Но в последние секунды, прямо перед тем как видео закончилось, её глаза метнулись к чему-то за кадром, и её улыбка дрогнула. Это была мелочь, едва заметная. Лиам всё равно заметил.

Он вернулся к своему видео и напечатал ответ. Большой палец колебался над кнопкой отправки. Затем он нажал её.

«Десяти секунд было достаточно. Продолжай.»

Он заблокировал телефон и лёг на спину. Потолок мансарды теперь был тёмным, синий свет исчез. Снаружи ветер стих. Где-то внизу по улице проехала машина с влажным шипением шин. Лиам закрыл глаза и слушал собственное сердцебиение. Оно больше не казалось вердиктом. Оно казалось сигналом, посланным в темноту, на который ответил кто-то очень далеко.

ГЛАВА 4: ПЕРВЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия)

Число четыре сидело на экране Лиама, как четыре маленьких камня, положенных на грудь.

Просмотры: 4. Лайки: 0. Комментарии: 0.

Он лежал на кровати, держа телефон над лицом, синий свет заливал скошенный потолок болезненным сиянием. Мансардная комната казалась меньше, чем утром. Стены, казалось, наклонялись внутрь, как будто сам дом слушал тишину его поражения. Снаружи ветер давил на окно с низким, ровным напором — не порыв, а присутствие, холодная рука, проверяющая стекло. Запах жареного бараньего жира снизу просочился под его дверь и смешался с сырой шерстью его свитера, старой пылью в радиаторе, слабым химическим призраком новой камеры.

Четыре просмотра. Один был им. Остальные три могли быть ботами, или случайными кликами, или людьми, которые открыли видео и закрыли его до того, как первая секунда полностью загрузилась. Никто не остался. Никто не увидел его.

Он заблокировал телефон и прижал его экраном вниз к груди. Тепло экрана просочилось сквозь ткань, маленький, глупый пульс. Он подумал о руках отца на пластиковом столе, толстые пальцы распластаны, почерневшие ногти. *Люди, которые гонятся за тенями на экране, заканчивают тем, что замерзают на причале.* Слова не были криком. Это было хуже всего. Свейн не бушевал. Он просто констатировал погоду.

Лиам сел. Комната слегка наклонилась, как это бывает, когда слишком долго смотришь в экран. Он не мог оставаться здесь. Стены были слишком близко, тишина слишком полна цифрами. Он натянул куртку, сунул камеру в рюкзак и спустился вниз.

Кухня была пуста. Кружка отца стояла в раковине, тёмное кольцо кофе засыхало на дне. Газета лежала сложенной на столе, кроссворд наполовину заполнен тупым, блочным почерком Свейна. Лиам отвёл взгляд. Он сунул ноги в ботинки, кожа была жёсткой от старой соли, и открыл входную дверь.

Июньский день ударил в него влажным, минеральным дыханием. Гранди не был красивым в том смысле, который обещали туристические фотографии. Это был рабочий порт, место ржавчины и канатов и смазки, гофрированного железа и бетона, окрашенного десятилетиями рыбьей крови и дизеля. Небо было низким, оловянным потолком. Море за волнорезом было цвета старых монет. Чайки пронзительно кричали над головой, их крики были резкими и рваными, и где-

то позади него кран застонал, поднимая ящик над пирсом.

Лиам шёл, не думая. Его ботинки находили знакомые трещины в асфальте. Он прошёл мимо конторы сухого дока, приземистого здания с запотевшим окном и вывеской, выцветшей от синего до серого. Сквозь стекло он видел Магнуса за столом, прижимающего телефон к уху, его свободная рука жестикулировала в воздухе. Лиам отвернулся и продолжил идти.

Он не остановился, пока не достиг старой портовой стены на краю пирса. Это был длинный гребень чёрного базальта и бетона, скользкий от водорослей и памяти о приливе. Он сел на холодный камень, свесив ноги над водой. Под ним поверхность бурлила и билась о стену, тёмная и терпеливая.

Он достал камеру.

Экран расцвёл. Его собственное лицо появилось в углу кадра, бледное и маленькое на фоне серой воды. Он поставил камеру на стену рядом с собой, направил её на гавань и нажал запись.

Долгое мгновение он ничего не говорил. Ветер заполнил микрофон низким, рокочущим шипением. Чайка села на соседний кнехт и уставилась на него одним жёлтым глазом. Лиам смотрел на птицу и чувствовал, абсурдно, что она его осуждает.

— Привет, — сказал он наконец. Его голос был тонким. Ветер рвал его. — Я не очень понимаю, что делаю.

Он остановился. Большой палец завис над кнопкой оста-

новки. Старый инстинкт поднялся в нём — удалить, спрятать, притвориться, что этого никогда не было. Но он не нажал её. Он посмотрел на воду, на ржавый траулер, скрипящий у причала, на серое небо, давящее на всё.

— Мой отец думает, что я трачу время впустую, — сказал он. — Вероятно, он прав. Я имею в виду, четыре просмотра. Это не карьера. Это даже не разговор. — Он засмеялся, коротким, сухим звуком, который ветер проглотил. — Но я не знаю. Я продолжаю думать, что должно быть что-то ещё. Не потому, что я ненавижу это место. Я не ненавижу. Я люблю гавань. Я люблю её запах, даже когда он отвратителен. Я люблю то, как выглядит свет зимой, когда это вообще не свет. Но я не хочу проснуться в сорок и понять, что так и не попробовал ничего, кроме того, что уже было решено за меня.

Он потёр большой палец о холодную резиновую рукоятку камеры. Его пальцы покраснели от холода. Ветер загнал слёзы в уголки глаз, или, может быть, это были вовсе не слёзы.

— Так что это моё первое видео, — сказал он. — Не то, которое я смонтировал. То было отстоем. Это настоящее. Я не знаю, будет ли кто-нибудь смотреть. Я не знаю, буду ли я продолжать. Но я здесь. Это уже что-то.

Он остановил запись.

Тишина после была огромной. Ветер, чайки, вода — все они хлынули обратно, громче, чем прежде. Лиам сидел на стене, пока ноги не онемели. Затем он встал, убрал камеру

в сумку и пошёл домой.

У конторы сухого дока он остановился. Магнус увидел его через окно и поднял руку. Лиам поднял свою в ответ. Жест показался ему маленьким предательством самого себя, или, может быть, маленькой капитуляцией перед отцом. Он не вошёл внутрь. Он не взял бумаги. Пока нет.

Той ночью он загрузил второе видео. Без монтажа. Без миниатюры. Без названия, кроме одной строки: *«Я не знаю, что делаю»*.

Затем он стал ждать.

Первый час принёс девять просмотров. К полуночи их было тридцать семь. Два лайка. И один комментарий.

Комментарий был от аккаунта с именем **@sofia.in.between**.

В нём говорилось: *«это заставило меня почувствовать себя менее одинокой. я тоже пытаюсь.»*

Лиам прочитал его шесть раз. Затем кликнул на профиль. Там было только одно видео — сорокапятисекундный рилс под названием *«Минималистичные утренние привычки в Буэнос-Айресе»*. Он посмотрел его дважды. Девушка на видео была темноволосой, с треснувшим телефоном, прислонённым к стопке книг. Свет был золотым и тёплым. Она двигалась осторожно, как будто каждое движение было отрепетировано. Но в последние секунды, прямо перед тем как видео закончилось, её глаза метнулись к чему-то за кадром, и её улыбка дрогнула. Это была мелочь, едва заметная. Лиам всё

равно заметил.

Он вернулся к своему видео и напечатал ответ. Большой палец колебался над кнопкой отправки. Затем он нажал её.

«Десяти секунд было достаточно. Продолжай.»

Он заблокировал телефон и лёг на спину. Потолок мансарды теперь был тёмным, синий свет исчез. Снаружи ветер стих. Где-то внизу по улице проехала машина с влажным шипением шин. Лиам закрыл глаза и слушал собственное сердцебиение. Оно больше не казалось вердиктом. Оно казалось сигналом, посланным в темноту, на который ответил кто-то очень далеко.

ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Жара последовала за Софией домой.

Она давила на спину, пока София шла по Авенида Индепенденсия, мимо закрытых киосков и автобусных остановок, заполненных людьми, обмахивающимися сложенными газетами. Золотой свет позднего дня превратил разрушающиеся фасады во что-то почти прекрасное, но София не видела этого. Комментарий всё ещё был внутри неё, осколок льда посреди всего этого тепла.

Фальшивая девочка.

Она удалила его. Она не удалила видео. Этот маленький факт казался огромным, как камень, который она решила нести вместо того, чтобы бросить.

Когда она дошла до квартиры, дверь была открыта. Запах разогретых миланез и крепкого кофе тянулся в лестничный пролёт. Она слышала телевизор, голос матери, смех Матео. Она остановилась на площадке и прижалась спиной к прохладной, облупившейся стене. На мгновение она подумала развернуться, спуститься обратно по лестнице, исчезнуть в городе, пока дом не затихнет.

Но она уже была дома. Она толкнула дверь.

— София! — Мать появилась в дверях кухни, полотенце на плече, волосы собраны пластиковой заколкой. — Где ты

была? Я звонила тебе дважды. Ты видела? Отец принёс бумаги из фирмы. Он хочет, чтобы ты прочитала контракт на стажировку до понедельника.

София кивнула. — Я видела.

— И твой брат говорит, что ты снова заперлась в комнате. Почему ты запираешь дверь? Это не отель.

— Я переодевалась.

Глаза матери слегка сузились, но прежде чем она успела задать ещё вопрос, Матео появился из гостиной с наполовину съеденной эмпанадой в руке.

— Ты принесла продукты? Мама сказала, ты поможешь.

— Я забыла.

— Забыла? — Матео засмеялся, но это был не злой смех. Это был смех человека, которому никогда не приходилось помнить ничего важного. — Ты будешь юристом, Софи. Ты не можешь забывать про продукты.

София выдавила улыбку. — Я схожу сейчас.

— Нет, нет, — сказала мать, взмахивая полотенцем. — Уже поздно. Отец сходит завтра. Иди есть.

София покачала головой. — У меня болит голова. Я пойду прилягу.

Она прошла по узкому коридору, прежде чем кто-либо успел её остановить. Половицы скрипели под её босыми ногами, знакомые, как собственный пульс. Она закрыла дверь спальни и повернула латунный ключ в замке. Щелчок был маленьким, резким звуком безопасности.

В комнате всё ещё было жарко. Вентилятор на столе жужжал бесполезно, гоняя тёплый воздух по рассыпанным бутонам лаванды. Она не убрала их. Они лежали на полу, как крошечные, высохшие слёзы.

София села на край кровати и достала телефон. Новая трещина в углу экрана ловила свет, тонкий белый шрам. Она открыла приложение. У её рилса всё ещё было сорок восемь просмотров. Комментарий исчез. Но слова всё ещё были там, отпечатанные за её глазами.

Она пролистала ленту, не думая. Её фид был полон девушек в льняных платьях, девушек с идеальными кофейными чашками, девушек, которые, казалось, родились с уверенностью, которую Софии приходилось отрабатывать перед зеркалом. Она собиралась закрыть приложение, когда внизу ленты появилось видео, странное и неуместное среди золотого света и плавных переходов.

Оно было серым. Небо было серым, вода была серой, лицо мальчика на экране было бледным и неуверенным. Он сидел на каменной стене на краю гавани, ветер рвал его волосы. Название было простым: *«Я не знаю, что делаю»*.

София смотрела.

Мальчик не улыбался. Он не использовал фильтры. Он не говорил ей купить курс или перестать спрашивать разрешения. Он просто сидел там, его голос был тонким и наполовину съеденным ветром, и говорил, что не знает, тратит ли он время впустую. Он сказал, что его отец думает, что он го-

нится за тенями. Он сказал, что любит гавань, но не хочет проснуться в сорок и понять, что так и не попробовал ничего другого.

Когда видео закончилось, София сидела очень тихо. Вентилятор щёлкнул, поворачиваясь. Звуки её семьи просачивались через дверь — телевизор, смех матери, тяжёлые шаги Матео. Это были звуки её жизни, громкие и любящие и удушающие. Но на мгновение она почувствовала что-то ещё. Маленькую, тихую нить, соединяющую её комнату в Сан-Тельмо с холодной гаванью на краю света.

Она открыла комментарии и напечатала, прежде чем успела себя отговорить.

«это заставило меня почувствовать себя менее одинокой. я тоже пытаюсь.»

Она нажала отправить. Сердце колотилось. Затем она заблокировала телефон и прижала его к груди, как в детстве прижимала книгу, когда история пугала её.

Она не ожидала ответа.

Она вообще ничего не ожидала.

Но двадцать минут спустя, когда она лежала на кровати в темноте, телефон завибрировал у её рёбер. Она подняла его. Уведомление светилось на треснувшем экране.

@liam.grandi ответил на ваш комментарий: *«Десяти секунд было достаточно. Продолжай.»*

София уставилась на слова. Она не знала, что он имел в виду под десятью секундами. Она не знала, кто он. Но слова

осели в её груди, как маленький, тёплый камень. Она прочитала их снова. Затем открыла галерею и посмотрела на обрезанный клип своего собственного рилса — идеальные десять секунд до краха, до кулака брата в двери, до того, как ваза опрокинулась и лаванда рассыпалась.

Десять секунд. Может быть, это всё, что у неё было. Может быть, этого достаточно, чтобы начать.

Она заблокировала телефон, положила его на тумбочку и легла на спину. В комнате всё ещё было жарко. Вентилятор всё ещё жужжал. Её семья всё ещё спорила и смеялась и ожидала, что она станет кем-то, кем она не была уверена, что сможет стать. Но впервые за дни тишина внутри неё не была пустой. Она была ждущей.

ГЛАВА 5: ФОРМА ГОЛОСА

ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия)

Ответ пришёл в 1:47 ночи.

Лиам не спал. Он лежал на спине в темноте, камера на столе рядом с ним была похожа на маленькое терпеливое животное с закрытой крышкой объектива и наполовину разряженной батареей. Телефон завибрировал на подоконнике, где он его оставил, и звук был настолько неожиданным, что он сел прежде, чем полностью проснулся, сердце уже колотилось.

Он прочитал слова три раза в темноте, яркость экрана прорезала белый прямоугольник в чёрной комнате.

@sofia.in.between: *«спасибо. я почти всё удалила сегодня вечером. я рада, что не сделала этого.»*

Лиам выдохнул. Дыхание вышло дрожащим, почти смешком. Он напечатал ответ, прежде чем успел слишком много об этом подумать.

«Я тоже. Я почти не выложил то видео. Оно казалось слишком честным. Как будто стоишь на улице без куртки.»

Он нажал отправить и сразу почувствовал себя глупо. *Как будто стоишь на улице без куртки.* Кто так говорит? Он со-

бирался добавить что-то ещё, что-то, чтобы смягчить это, когда на экране появились три точки. Они пульсировали долгое мгновение. Затем исчезли. Затем появились снова.

@sofia.in.between: *«именно. я всё время пытаюсь сделать так, чтобы всё выглядело идеально, и от этого чувствую себя ещё более невидимой.»*

Лиам уставился на слова. Он знал это чувство. Он знал его так же, как знал запах отлива и особенный серый цвет неба перед снегом. Он провёл годы, пытаясь сделать себя достаточно маленьким, чтобы вписаться в форму, которую вырезал для него отец, а затем провёл месяцы, пытаясь сделать себя достаточно большим, чтобы вписаться в форму создателей на экране телефона. Ни то, ни другое не сработало. И то, и другое оставило его призраком в собственной жизни.

Он напечатал: *«Что ты пытаешься сделать идеальным?»*

Ответ пришёл не сразу. Лиам смотрел в потолок, бледно-индиговый свет летней ночи сочился через световой люк. Ветер стих. Дом был тихим, если не считать низкого гудения холодильника и случайного скрипа старых деревянных половиц.

Затем телефон снова завибрировал. Это был не комментарий. Это было личное сообщение.

@sofia.in.between: *«всё. свою комнату. свой голос. свой акцент. свою жизнь. я должна быть юристом. моя семья всё спланировала. но я не хочу быть юристом. я хочу делать*

вещи. я хочу рассказывать истории. я хочу, чтобы меня видели. и каждый раз, когда я пытаюсь, я чувствую себя самозванкой.»

Лиам читал сообщение, его большой палец завис над экраном. Слова были сырыми, неотполированными, такими, какие говоришь только незнакомцу посреди ночи. Он понимал. Он понимал так полно, что это болело.

Он написал в ответ: *«Мой отец хочет, чтобы я был дизельным механиком. Профсоюзная работа. Хорошая зарплата. Он говорит, что люди, которые гонятся за тенями на экране, заканчивают тем, что замерзают на причале. Думаю, он, вероятно, прав. Но я не могу этого сделать. Я не могу провести жизнь в внутренностях двигателя. Я тоже хочу делать вещи. Я хочу рассказывать истории. Я не знаю, хорош ли я в этом. Но я не могу перестать пытаться.»*

Он отправил. Затем добавил: *«Может, мы оба самозванцы. Или, может, мы просто новички. Я не знаю. Но я рад, что ты не удалила своё видео.»*

Появились три точки. Затем сообщение.

@sofia.in.between: *«как тебя зовут? я софия.»*

Он улыбнулся. Это была маленькая улыбка, едва заметная, но она казалась первой настоящей вещью, которую он сделал за дни.

«Лиам. Приятно познакомиться, София.»

Они говорили до тех пор, пока серый свет рассвета не начал сочиться через световой люк, превращая комнату из чёр-

ной в угольную и затем в мягкую, перламутрово-серую. Они говорили о видео, которые смотрели, о создателях, которыми восхищались, о страхе, который жил в яме их желудков каждый раз, когда они нажимали опубликовать. София рассказала ему о Буэнос-Айресе — о жаре, шуме, о том, как город давит на неё со всех сторон. Лиам рассказал ей о Рейкьявике — о бесконечных сумерках, о запахе гавани, о том, как ветер может сорвать тепло с костей за секунды.

Они не говорили о том, что будет дальше. Они не давали обещаний. Они были двумя незнакомцами в двух холодных комнатах на противоположных концах земли, и на одну ночь этого было достаточно.

Когда Лиам наконец лёг спать, небо за окном было цвета мокрого шифера. Камера на его столе выглядела иначе. Она не выглядела как оружие или вердикт. Она выглядела как окно. Маленькое, несовершенное окно, но всё же окно.

Он заснул, думая о форме слов Софии. О том, как она писала строчными буквами, как будто пыталась занимать меньше места. О том, как она сказала *я хочу, чтобы меня видели* без знаков препинания, как будто предложение просто растворилось в темноте.

Он понимал это тоже.

ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина)

София проснулась от звона церковных колоколов и запаха подгоревшего тоста.

Колокола доносились со старого прихода на углу, их железные языки грохотали в ритме, который казался старше самого города. Тосты были делом рук её матери — она сжигала их каждое воскресенье, маленькая, постоянная трагедия, которую семья научилась принимать. София лежала в постели долгое мгновение, телефон зажат в руке, экран тёмный. Глаза были песчаными от недосыпа. Голова болела от той особой тяжести, которая приходит после ночи, проведённой в stare в экран.

Но она улыбалась.

Она пролистала разговор, читая сообщения в бледном утреннем свете. Лиам. Его звали Лиам. Он жил в Исландии, которую она знала как реальное место, но всегда представляла как некий абстрактный концепт — лёд и вулканы и долгие тёмные зимы. У него был отец, который хотел, чтобы он стал механиком. У него была камера, которую он купил втайне. Он назвал её смелой, или, по крайней мере, сказал, что рад, что она не удалила своё видео, что было почти то же самое.

Она рассказала ему вещи, которые никогда никому не рассказывала. Ни матери, ни сестре, ни подругам, которых зна-

ла с начальной школы. Она рассказала незнакомцу на севере о тугом, удушающем чувстве в груди, когда она думала о юридическом факультете. О том, как практиковала английский перед зеркалом, формируя рот вокруг слов, которые не казались её собственными. О мечте, которую она никогда не произносила вслух: что она хочет снимать фильмы. Настоящие фильмы. Не просто рилсы и короткие видео, а истории с началом, серединой и концом, истории, которые заставляют людей чувствовать себя увиденными.

Она никогда не говорила этого вслух. Ни разу. Она едва признавалась в этом себе.

— София! — Голос матери прорезал утреннюю тишину, резкий и знакомый. — София, ven a desayunar! Тосты остывают!

София заблокировала телефон и села. В комнате уже было тепло, утреннее солнце косо падало через балконные двери, превращая пылинки в парящее золото. Она посмотрела на беспорядок на полу — высохшую лаванду, упавшие учебники, одолженную льняную рубашку, смятую в углу, — и почувствовала, впервые за недели, маленький, упрямый прилив энергии. Не мотивацию, точно. Не надежду. Что-то ближе к неповиновению.

Она встала, натянула огромную футболку с пятном от отбеливателя и открыла дверь.

Мать была на кухне, волосы всё ещё в пластиковой заколке, лопатка в руке. Матео сидел за столом, листая телефон.

Отец был в своём обычном кресле, газета сложена рядом с тарелкой, очки на переносице.

— Доброе утро, mi amor, — сказал отец, не поднимая глаз. — Хорошо спала?

— Да, — сказала София. Это было неправдой, но и не совсем ложью.

Она села и налила себе чашку кофе из старого эмалированного кофейника. Кофе был крепким и горьким, как любил отец. Она пила медленно, чувствуя, как тепло распространяется по груди.

— Твой отец хочет просмотреть контракт на стажировку сегодня, — сказала мать, ставя тарелку с подгоревшими тостами на стол. — После обеда. У него есть несколько замечаний.

Рука Софии сжалась вокруг кружки. — У меня планы на сегодня.

Мать обернулась. — Планы? Какие планы?

— Я встречаюсь с другом, — сказала София. Ложь далась легко, что её удивило. У неё не было друга, с которым можно встретиться. Но у неё была идея, маленькая, безрассудная идея, которая формировалась в её сознании с момента пробуждения.

Глаза матери сузились. — С каким другом?

— Просто друг из школы. Мы будем вместе заниматься.

Отец опустил газету. Его глаза, тёмные и терпеливые, изучали её поверх очков. — Контракт важен, София. Не

каждый день фирма предлагает стажировку первокурснику. Твоя мать и я гордимся тобой.

— Я знаю, папа.

— Тогда почему у тебя такой вид, будто ты хочешь убежать?

Вопрос повис в воздухе. София почувствовала, как кровь прилила к щекам. Она смотрела на свою тарелку, на подгоревший тост, на крошки, рассыпанные по скатерти. *Потому что я хочу,* — хотела она сказать. *Потому что я хочу убежать больше, чем чего-либо ещё в своей жизни.*

— Я не убегаю, — сказала она вместо этого. — Я просто… устала.

Отец долго смотрел на неё. Затем кивнул и вернулся к газете. — Поговорим после обеда. Не опаздывай.

София закончила кофе в тишине. Затем встала, поцеловала мать в щёку и пошла по коридору в свою комнату. Она закрыла дверь и заперла её. Щелчок был маленьким, знакомым утешением.

Она села на пол, спиной к кровати, и открыла телефон.

@liam.grandi: *«Доброе утро. Или день. Я не знаю, который час у тебя. Я просто хотел сказать, что пересмотрел твоё видео. Десять секунд. Они хороши. Ты выглядишь так, будто собираешься сказать что-то правдивое. Надеюсь, ты сможешь это сказать.»*

София прижала телефон к груди. Треснувший экран был тёплым у её кожи. Она прочитала сообщение дважды, три-

жды, позволяя словам осесть в ней.

Затем она встала, убрала бельё с кровати и поставила телефон к стопке учебников по праву. Она отрегулировала угол, пока утренний свет не упал на её лицо. Она не надела льняную рубашку сестры. Она не расставила сушёные цветы или блокноты в кожаных переплётах. На ней была её самая старая, самая мягкая футболка, та, с пятном от отбеливателя, волосы были растрёпаны, а лицо всё ещё отекло от сна.

Она нажала запись.

— Привет, — сказала она. Голос был тихим, почти шёпотом. Микрофон камеры уловил низкое гудение вентилятора, отдалённый звон церковных колоколов, звук её собственного дыхания. — У меня сегодня нет сценария. У меня нет плана. Я просто хотела сказать что-то настоящее.

Она сделала паузу. Красный таймер тикал в углу экрана. *00:05… 00:06… 00:07…*

— Мне девятнадцать лет, — сказала она. — Я живу в Буэнос-Айресе. Моя семья хочет, чтобы я стала юристом. И я не знаю, смогу ли я это сделать. Не потому, что я недостаточно умна. Потому что я не думаю, что хочу этого.

Слова выходили дрожащими. Голос сорвался на *хочу*. Она почти остановила запись. Она почти удалила всё. Но она подумала о мальчике на портовой стене, о сером ветре, о тонком голосе, говорящем *я не знаю, что делаю*. И она продолжила.

— Я хочу делать вещи, — сказала она. — Я хочу расска-

зывать истории. Я хочу, чтобы меня видели. И я в ужасе, что если скажу это вслух, все, кого я люблю, посмотрят на меня так, будто я сошла с ума.

Она остановила запись.

Тишина в комнате хлынула обратно, громкая и густая. Сердце колотилось. Руки дрожали. Видео было всего двадцать две секунды. Оно не было отполированным. Оно не было эстетичным. Оно не было красивым.

Она всё равно его опубликовала.

Затем заблокировала телефон, положила его в карман и вышла из комнаты, чтобы помочь матери убрать со стола. Церковные колокола всё ещё звонили. Жара уже нарастала. Город просыпался. И впервые за долгое время София чувствовала, что она тоже просыпается.

ГЛАВА 6: ТРЕСНУВШИЙ ОБЪЕКТИВ

ЧАСТЬ I — ЛИАМ (Рейкьявик, Исландия)

Видео нашло свою аудиторию во вторник.

Лиам сидел за кухонным столом, ел скир ложкой, которая была в семье три поколения, когда его телефон начал вибрировать о пластиковый стол. Не один раз. Не два. Ровный, настойчивый ритм, как муха, бьющаяся о стекло. Сначала он игнорировал его, решив, что это групповой чат, который он забыл отключить. Но потом телефон завибрировал снова. И снова. И снова.

Свейн стоял у плиты, спиной к Лиаму, помешивая яйца на старой чугунной сковороде. Запах масла и кофе наполнял кухню. Снаружи июньское утро было ярким так, что казалось почти агрессивным, серость наконец поднялась, оставив гавань сверкающей под бледным, водянистым солнцем.

— Ты собираешься ответить? — спросил Свейн, не оборачиваясь.

Лиам взял телефон. Экран уведомлений был переполнен, завален комментариями, лайками и одной строкой красного

текста, которая заставила его желудок одновременно упасть и подняться: **Ваше видео привлекает внимание.**

Он открыл приложение.

Просмотры: 12 847. Лайки: 3 204. Комментарии: 416.

Он уставился на цифры. Они не имели смысла. Они были слишком большими, слишком внезапными, как волна, которая строилась где-то далеко в море и выбрала именно этот момент, чтобы обрушиться на его голову.

— Лиам? — Голос Свейна был резче. — Что это?

— Ничего, — сказал Лиам, но голос вышел странным, тонким и высоким. Он заблокировал телефон и положил его экраном вниз на стол, как будто сам экран был радиоактивным. — Просто… кое-что в интернете.

Свейн обернулся. Лопатка висела в его руке, капая яйцом. Его глаза переместились с лица Лиама на телефон на столе и обратно. — Кое-что в интернете, — повторил он. Слова были плоскими, так он говорил, когда решал, злиться ли ему.

— Это просто видео, — сказал Лиам. — Я выложил видео. Люди смотрят его. Это не большое дело.

Свейн положил лопатку. Он выключил горелку, вытер руки полотенцем и подошёл к столу. Он не сел. Он стоял, его широкие плечи блокировали свет из окна, и смотрел на телефон, лежащий экраном вниз.

— Сколько людей? — спросил он.

— Я не знаю. Двенадцать тысяч.

Тишина, последовавшая за этим, была тяжёлой от запаха

яиц и отдалённого крика чаек. Челюсть Свейна сжалась. Его руки, лежащие на спинке стула, были неподвижны.

— Двенадцать тысяч человек смотрели, как ты делаешь что? Говоришь о гавани?

— Говорю о своей жизни.

Свейн медленно выдохнул через нос. — И что ты рассказал им о своей жизни?

Лиам поднял глаза. Глаза отца были цвета моря зимой, бледные, холодные и терпеливые. В них не было гнева, пока, но было что-то ещё, что-то, что выглядело почти как страх. Лиам никогда раньше не видел страха на лице отца. Это встревожило его больше, чем мог бы гнев.

— Я сказал им правду, — сказал Лиам. — Я сказал им, что не хочу быть механиком.

Свейн долго молчал. Затем он кивнул, один раз, маленьким, stiff движением головы. — И теперь двенадцать тысяч незнакомцев знают о моём сыне больше, чем я.

Он взял свою кружку, вылил остатки кофе в раковину и вышел из кухни. Входная дверь открылась и закрылась с мягким щелчком. Лиам сидел один за столом, скир остывал в его миске, телефон вибрировал о пластик, как живое существо.

Он не брал его в руки, пока шаги отца не стихли на улице.

Комментарии были потоком.

Большинство были добрыми. Некоторые — нет. Лиам читал их в своей комнате с запертой дверью, задвинутыми што-

рами против агрессивного солнечного света, спиной к скошенной стене. Он читал их, пока глаза не заболели и слова не начали расплываться и терять смысл.

«Это самое честное, что я видел в этом приложении.»

«То, как ты говоришь о гавани, прекрасно. Тебе стоит писать.»

«Бро, почему ты такой грустный, просто найди работу лол.»

«Я никогда не был в Исландии, но чувствую, что я там.»

«Часть про твоего отца разбила мне сердце.»

«Это скучно. Ничего не происходит.»

Он прочитал последний четыре раза. *Ничего не происходит.* Это было правдой. Он сидел на стене на ветру и говорил о своих чувствах. Не было ни съёмок с дрона, ни быстрых переходов, ни идеально выстроенных эстетичных кофейных чашек. Это был просто он, серый и неуклюжий и незаконченный.

Но добрые комментарии продолжали приходить. Люди из Бразилии и Японии и Канады и маленького городка в Огайо. Люди, которые говорили, что чувствуют то же самое. Люди, которые говорили, что тоже стояли на краю жизни, которую не выбирали, и смотрели вниз, в тёмную воду.

И затем, погребённое в потоке, сообщение от Софии.

@sofia.in.between: *«посмотри на просмотры. лиам. посмотри. люди смотрят. люди чувствуют это. не позволяй злым залезть тебе в голову. скучный ошибается. вещи про-*

исходят.»

Он засмеялся. Настоящим смехом, тем, который удивил его. Он не знал, что способен на это сегодня.

Он напечатал в ответ: *«Я выложил второе видео. Просто я говорю. Без монтажа. Мой отец увидел цифры и ушёл. Кажется, я что-то сломал.»*

Ответ пришёл быстро: *«или, может быть, ты что-то открыл. моя семья даже не знает, что я это делаю. они думают, что я готовлюсь к стажировке.»*

Лиам уставился на слова. Мысль формировалась в глубине его сознания, тихая, опасная и невозможная для игнорирования. *Может быть, нам не нужно делать это в одиночку.*

Он напечатал: *«Что если мы сделаем что-то вместе? Ты в Буэнос-Айресе. Я в Рейкьявике. Разговор. Два человека, пытающихся понять.»*

Появились три точки. Затем исчезли. Затем появились снова, пульсируя в течение долгой, мучительной минуты.

@sofia.in.between: *«ты имеешь в виду что-то вроде коллаборации?»*

«Что-то вроде этого. Не коллаборация. Разговор. Настоящий.»

Ещё одна долгая пауза. Затем: *«я никогда никому не показывала своё лицо на камеру. по-настоящему. не говоря уже о настоящих вещах.»*

«Я тоже. Не до этой недели.»

Ответ пришёл после мгновения, которое казалось часом.

@sofia.in.between: *«хорошо. давай попробуем. но ты первый.»*

Лиам положил телефон. Он посмотрел на камеру на столе, маленький чёрный беззеркальный корпус, который он купил на деньги, которые не должен был тратить, объектив, который запечатлел его первые неуклюжие попытки быть кем-то другим. Он взял её, перевернул в руках и подумал о слове *сотрудничество.* Оно казалось слишком большим, слишком профессиональным, слишком похожим на то, что сказали бы создатели на Бали. То, что они с Софией делали, было меньше. Это были два человека в двух холодных комнатах, держащие свечу в темноте и надеющиеся, что кто-то ещё увидит пламя.

Он включил камеру и начал настраивать кадр.

ЧАСТЬ II — СОФИЯ (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Квартира была пуста впервые за месяцы.

Мать увела Матео к стоматологу. Отец был в фирме до восьми. Тишина в квартире была настолько необычной, что София продолжала останавливаться и прислушиваться, как будто не совсем верила в это. Холодильник гудел. Потолочный вентилятор щёлкал. Снаружи отдалённый автобус застонал, зашипел и отъехал от остановки на Авенида Индепенденсия. Это было всё.

У неё был весь день. Целый, uninterrupted, золотой день.

Она стояла посреди своей спальни и смотрела на пространство, как будто видела его впервые. Облупившаяся краска. Деревянный пол, отполированный десятилетиями шагов. Стопка учебников по праву на столе, их корешки потрёпаны от использования, страницы полны будущего, которое она не выбирала. Одолженная льняная рубашка, теперь возвращённая в шкаф сестры. Треснувший телефон с новым шрамом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.